

И. Н. Минеева

Д. В. Кобленкова

**СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ПРОЦЕСС
НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.
В ШВЕЦИИ**

Петрозаводск

2015

Учебное издание

Минеева Инна Николаевна
Кобленкова Диана Викторовна

**Современный литературный процесс
на рубеже XX–XXI вв.
в ШВЕЦИИ**

Учебное пособие для студентов филологического факультета

Редактор *А. Б. Соболева*
Компьютерная верстка: *С. Г. Неёлова*

Подписано в печать 25.06.15. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Уч.-изд. л. 2,5. Тираж 100 экз. Изд. № 356.

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Отпечатано в типографии Издательства ПетрГУ
185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

ISBN: 978-58021-2600-4

9 785802 126004

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

И. Н. Минеева
Д. В. Кобленкова

**СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ПРОЦЕСС
НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.
В ШВЕЦИИ**

Учебное пособие для студентов филологического факультета

Петрозаводск
Издательство ПетрГУ

2015

УДК 821.113.6
ББК 83.3(3)
М 616

*Издается в рамках реализации комплекса
мероприятий Программы стратегического
развития ПетрГУ на 2012—2016 годы
по подпроекту «SCANDICA: культурные конвергенции»*

Р е ц е н з е н т ы:

д-р. филол. наук, доц. кафедры русской литературы
ННГУ им. Н. И. Лобачевского
О. С. Сухих;
канд. филол. наук, доц. кафедры скандинавской филологии
О. Г. Абрамова

Минеева, Инна Николаевна.

М616 Современный литературный процесс на рубеже XX–XXI вв.
в Швеции : учебное пособие для студентов филол. факультета /
И. Н. Минеева, Д. В. Кобленкова. — Петрозаводск : Изда-
тельство ПетрГУ, 2015. — 48 с.

ISBN 978-5-8021-2600-4

Учебное пособие посвящено актуальным проблемам современного литературного процесса в Швеции. Авторы пособия впервые знакомят читательскую аудиторию с разнообразными его проявлениями. В центре внимания — творчество малоизвестного в России и на родине шведского прозаика П. Корнеля. Особое внимание уделяется феномену восприятия русскоязычными поэтами острова Готланд, его историко-культурного и природного ландшафта. Книга адресована студентам гуманитарных факультетов.

УДК 821. 113. 6
ББК 83. 313

© Минеева И. Н., Кобленкова Д. В., 2015
© Петрозаводский государственный
университет, 2015

ISBN 978-5-8021-2600-4

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
-------------------	---

ГЛАВА 1

Остров Готланд в русскоязычной поэтической рецепции на рубеже XX–XXI вв.

<i>(И. Н. Минеева)</i>	6
------------------------------	---

Вопросы для самоконтроля	28
--------------------------------	----

Творческие задания	29
--------------------------	----

ГЛАВА 2

Постмодернистские «Пути к раю. Комментарии к ненаписанной рукописи» П. Корнеля. «Нели- нейное письмо»

<i>(Д. В. Кобленкова)</i>	30
---------------------------------	----

Вопросы для самоконтроля	46
--------------------------------	----

Творческие задания	47
--------------------------	----

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первая глава учебного пособия посвящена актуальной, но в то же время малоизученной проблеме восприятия острова Готланд в современной мировой словесности. Впервые обозначенный аспект рассматривается на материале русскоязычной поэзии рубежа XX—XXI вв. В центре внимания — творчество Т. Бек (Москва), И. Фонякова (Санкт-Петербург), В. Гандельсмана (Нью-Йорк — С.-Петербург). В данной части работы показано, какое значение имеет образ Готланда в формировании «шведского» текста русскоязычной литературы, какова специфика его возникновения и развития. Кроме того, на основе биографических, исторических, литературно-художественных источников подробно описан индивидуальный опыт каждого из поэтов в познании и осмыслении балтийского историко-культурного и природного ландшафта, охарактеризованы авторские приемы и принципы, с помощью которых реконструируется островной хронотоп. Наконец, выявлены место и роль острова Готланд в ментальном, повседневном и творческом самоопределении русскоязычных писателей.

Во второй главе впервые анализируется роман П. Корнеля «Пути к раю. Комментарии к ненаписанной рукописи» (1987), который является редким для шведской литературы примером «нелинейного письма» и «романа в сносках». Текст П. Корнеля интересен тем, что в структурном отношении автор романа следует за постмодернистскими принципами деконструкции, в то время как для шведской литературы постмодернистские стратегии письма являются неорганичными. Затрагивается целый ряд теоретических вопросов: принципы шведского постмодернизма и его роль в шведском литературном процессе, поэтика «романа

в сносках», принципы «нелинейного письма», фрагментарность повествования, символика сакральных и мистических топосов, синтез философского, искусствоведческого и литературоведческого дискурсов.

В пособии впервые введены в отечественный научный оборот художественные тексты писателей, сделаны переводы литературно-критических статей, монографий, интервью. Предложенные вопросы и творческие задания позволяют актуализировать наиболее сложные, дискуссионные вопросы в шведской литературе конца XX — начале XXI веков.

ГЛАВА 1

Остров Готланд в русскоязычной поэтической рецепции на рубеже XX—XXI вв.

Рубеж XX—XXI вв. — начало формирования «шведского» текста русской литературы. Однако здесь мы имеем дело с одновременно парадоксальным и в то же время вполне объяснимым фактом. «Шведский» текст русской литературы формируется не только «внутри» самой Швеции, благодаря творчеству русских эмигрантов, но и «вне» ее географических границ. Есть отдельные случаи, когда писатели долгое время находились на территории шведского королевства, но не в качестве эмигрантов, получивших второе гражданство, а путешественников. После возвращения домой — в Россию, Великобританию, Америку — многие из них оставили художественные отклики о своем пребывании в Швеции, на островах Балтийского моря, фьордах и водопадах¹.

Центральное место в формировании «шведского» текста занимает образ острова Готланд (шведский вариант — Gotland, вариант гутнийского наречия — Gutland — «земля гутов»), располагающегося примерно в ста километрах от материковой Швеции и славящегося сохранившимися до наших дней окаменелостями, курганами, руническими камнями, гигантскими причудливыми раукарами, романтическими развалинами, церквями с византийской архитектурой и росписями

¹ *Абрамова О. Г., Минеева И. Н., Сафрон Е. А.* Современный литературный процесс на рубеже XX — XXI вв. в странах Северной Европы. Швеция : учебное пособие / отв. ред. И. Н. Минеева; Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2014. 53 с.

ХII—ХIII вв., канунгами, уникальным ландшафтом, где органично сменяют друг друга горы, скалы, леса, луга, лазурные воды, песчаные дюны и встречаются «необыкновенные птицы и животные». В мировой культурной памяти за Готландом закрепились слава острова «роз», «орхидей», «птиц», «чудодейственной мандрагоры», «ветряных мельниц», «скандинавской основательности», «райского уголка», «самого солнечного» в Швеции с «миниатюрными, сказочными городками», острова легенд о королях, разбойниках, старых троллях и кладах², часто его идентифицируют с «окаменевшим морским коньком»³. Нередко Готланд называют «Божьим островом»⁴, «землей Ингмара Бергмана»⁵ и «местом», где когда-то А. Тарковский снимал фильм «Жертвоприношение»⁶.

В русскоязычном «островном» художественном дискурсе Готланд стал уникальным объектом рецепции. О нем пишут немногие и несистематично. Готландская линия в русскоязычной литературе развивается не через традицию (как петербургская, московская, парижская, лондонская), а «волнообразно». Каждая новая поездка писателя, временное там пребывание оборачивается новым творческим откликом. В основном это русскоязычные прозаики и поэты главным образом из России и США, проживавшие/проживающие на транснациональных пограничных российских территориях, или часто посещавшие/посещающие Швецию в качестве путешественников,

² Держачева И., Никольская К. Остров сокровищ Средневековья // Вокруг света. 2009. № 1 (2820) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/6590/>.

³ Макаров-Кротков А. Картинки с острова, или Готланд словами очевидца [Электронный ресурс]. URL: http://www.cirkolimp-tv.ru/files/archive/no_02/15_no02.pdf.

⁴ Julregn. Укромные уголки Швеции. Готланд [Электронный ресурс]. URL: <http://www.proza.ru/2005/02/26-159>.

⁵ См. о фильмах, снятых И. Бергманом на острове Готланд. заметку: Плахов А. Остров // Сеанс. № 13. URL: <http://seance.ru/n/13/glava4-kosmos-bergmana/ostrov/>.

⁶ См. воспоминания шведского фотографа о съемках фильма «Жертвоприношение»: Лотвал Л.-О. Каждый день с Тарковским [Электронный ресурс]. URL: <http://tarkovskiy.su/texty/vospominania/Lotvall.html>.

журналистов-международников, гостей Балтийского центра писателей и переводчиков. Назовем их имена и произведения, в которых нашли свое отражение островные реалии: Т. А. Бек («Шведская тетрадь»), В. А. Гандельсман («Готланд»), Н. Иванова («Остров»), Т. Ю. Кибиров («Нотации. Книга новых стихов»), Н. Толстая («Праздник Средневековья»), Б. Улановская («Шведские гуси»), И. Фоняков («Воскресенье на Готланде») и др. Образ Готланда реконструируется с помощью системы символов. Наиболее характерными из них являются как универсальные (море, небо, земля, корабль, ветер, птица), так и региональные (кирха, рунические камни, раукары, островная тишина, свет, прозрачность, насыщенные цвета, «четкие тени», разностильность, «полное отсутствие стандарта» во всем). Между тем, несмотря на обращение писателей к общекультурным и национальным (шведским) знакам, восприятие острова для каждого из них будет индивидуальным. Представим версии и варианты литературного опыта Т. Бек, И. Фонякова, В. Гандельсмана.

Остров Готланд как (пра)родина свободы vs несвободы? Поэтический опыт Т. Бек

Татьяна Александровна Бек (1949—2005) — поэтесса, историк литературы, критик, переводчица со шведского и датского языков. Со скандинавской историей и культурой Т. А. Бек связана генеалогически, профессионально и творчески. Невольно идентифицируя себя с человеком североευропейского происхождения, она писала: «Для меня родовые корни отнюдь не пустые слова. Верю в мистику происхождения. Мой отец Александр Альфредович Бек — из обрусевших датчан. Согласно семейной легенде (отец — с его пристрастием к фактам и документам — уже в 60-е гг. удостоверился в ее точности, покопавшись в ленинградских архивах), прадеда, Христиана Бека, “выписал” из Дании сам Петр I в качестве опытного почтмейстера — организовать российскую почту. От скандинавов досталась по

наследству странная во мне обязательность, даже занудливый педантизм»⁷.

Семейно-родовая история интуитивно подтолкнула Т. Бек к выбору будущей профессии. В 1972 году она окончила факультет журналистики МГУ со специализацией «шведский язык». За сделанным поэтессой профессиональным выбором скрывалось ее внутреннее, пока неосознанное стремление к познанию и узнаванию своей скандинавской прародины. В ситуации советского «железного занавеса» в ее сознании сработали законы культурной и исторической памяти как некоего способа противостояния культивирующемуся в стране информационному «голоду» и создававшемуся религиозному и культурному «вакууму». Однако, несмотря на предпринятую попытку постичь дух скандинавской ойкумены, ее облик все же оставался для Т. Бек в пору студенчества туманным и бледным. Мешала идеология. Для советского человека, как вспоминала поэтесса уже в зрелом возрасте, Скандинавия была полузакрытым пространством⁸. Искусственно создающийся на страницах советских учебников образ североевропейских государств не давал созидательного импульса. «В университете, — писала Т. Бек, — я учила шведский язык, пассивно его знала, хотя никогда не говорила <...> И, хотя получала за него свои “пятерки”, знала его, как мне казалось, на уровне словаря. Во всяком случае, имела довольно смутное представление о том, как звучит живая шведская речь на самом деле»⁹. Активизировавшееся в студенческие годы внутреннее «скандинавское горение» столкнулось с внешней тупиковой советской событийностью. Возможно, сформированные в семье и приобретенные во время учебы знания о скандинав-

⁷ Бек Т. «... Надо работать». Беседы вела Е. Константинова // Вопросы литературы. 2005. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2005/4/bek12.html>.

⁸ Бек Т. «... Я живу в живых». Беседы вела Е. Константинова // Вопросы литературы. 2010. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2010/1/be19.html>.

⁹ Там же.

ской ойкумене так бы и остались в жизни и творчестве Т. Бек инертными и невостребованными, если бы не один случай. В «глухом» 1976 году ей предложили сделать несколько переводов со шведского языка для готовящейся тогда к публикации антологии «Современная шведская поэзия» (М., 1979). В то время, по словам поэтессы, «подобные книжки <...> считались <...> редкостью. <...> Выпустить такую книгу — все равно что прорубить окно в Европу»¹⁰. Т. Бек согласилась на предложение коллег и с энтузиазмом взялась за переводы, открывшие ей новые грани североевропейской (пра)родины. В ее переводах на русский язык вышли стихотворения шведского епископа Э. Тёгнера (*Esaias Tegnér*, 1782—1846), лирика театрального критика, искусствоведа, переводчика классической китайской и современной европейской и американской поэзии, доктора философии Упсальского университета Э. Блумберга (*Erik Blomberg*, 1894—1965), книги лауреата Нобелевской премии по литературе П. Лагерквиста (*Pär Lagerkvist*, 1891—1974), крупнейшего поэта XX века, «трагического элегика», лауреата Нобелевской премии по литературе Т. Транстремера (*Tomas Gösta Tranströmer*, 1931 г.) и др. Как вспоминала Т. Бек, в процессе работы над антологией включались ее «шведские гены»¹¹. Часто по мотивам шведских переводов она создавала собственные стихотворения. Ближе всех для нее стала поэзия Т. Транстремера, которую она переводила нерифмованным стихом¹². Это был сложный стиховедческий творческий и лингвистический эксперимент¹³. Согласно воспоминаниям Т. Бек, она была потрясена поэтическими «признаниями» и «неочевидной исповедью» шведского поэта: у него «все происходит при свете смерти», «он так смотрит на мир <...>

¹⁰ Бек Т. «... Я живу в живых». Беседы вела Е. Константинова // Вопросы литературы. 2010. №1 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2010/1/be19.html>.

¹¹ Бек Т. «... Надо работать» ...

¹² Там же.

¹³ Витковский Е. Строфы Века 2. М.: Полифакт, 1998. С. 1199; Кутик И. Шведские поэты: Переводы и варианты. М.: МП «Фортуна-Лимитед», 1992. С. 158.

он смотрит на мир открытыми глазами, потому что знает, что видит все в последний раз»¹⁴. Поэтессу заворожили его интенсивно организованные верлибры, сильно выраженные аллитерации, внутренние рифмы¹⁵. Несмотря на то что Т. Транстремер олицетворяет собой образ национального шведского мировосприятия во всеобщем мировом целом, выходящем за рамки узконационального, все же исключительно шведским в его лирике Т. Бек называла «цвет. Колер. Не только световой, но и звуковой. Все как будто сквозь серую дымку. Серую — не в смысле скучную, а того цвета, какой бывает у некоторых импрессионистов. Цвет балтийского тумана»¹⁶.

Современники Т. Бек неоднократно отмечали ее страсть к путешествиям. Каждая поездка оборачивалась для поэтессы познанием нового, странничеством души, поэтическим откликом на происходящее с ней в иной культурной среде. Из разных далеких стран она привозила с собой стихи. Поездки давали ей мощный творческий заряд, которого хватало, по ее словам, надолго¹⁷. В беседах с коллегами Т. Бек неоднократно говорила о своей мечте: «Всю жизнь мечтала побывать в Скандинавии. Гены»¹⁸. Мечта осуществилась. Поэтесса попала в Швецию почти через двадцать лет после своих первых переводческих опытов — в 1998 году. Однако при этом знаменательно выбранное ею место уединения — остров Готланд. «Нежданно-негаданно, — вспоминала она, — в середине минувшей осени выпала удача целый месяц погостить в Швеции, в маленьком городке Висбю на острове Готланд»¹⁹. Между тем скандинавское путешествие подарило Т. Бек не только удивительные мгновения созерцания островных пейзажей. Во время пребывания в северной стране

¹⁴ Что такое «поэзия Тумаса Транстремера»? // Независимая газета. ExLibres. 2010.10.04 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2001-10-04/7_poetry.html.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Бек Т. «... Надо работать» ...

¹⁸ Бек Т. «... Я живу в живых» ...

¹⁹ Там же.

в жизни поэтессы произошло еще одно символическое событие. На Готланде она познакомилась с Т. Транстремером в день его рождения. Об этой незабываемой встрече поэтесса будет вспоминать в дальнейшем не раз.

Путевые впечатления о скандинавском острове нашли свое отражение в одной из самых ярких и глубоких книг Т. Бек — «Шведская тетрадь» (1998).

Каким же увидела поэтесса Готланд? Говоря об особенностях авторского восприятия балтийского ландшафта, мы сталкиваемся с парадоксальным антропологическим и творческим фактом. Повседневная и творческая рефлексия Т. Бек противоречат друг другу. В устных рассказах Готланд ассоциировался у поэтессы с пространством свободы, музыки, гостеприимства, гармонии и благодати. «Остров необыкновенной красоты, — делилась она в беседах с друзьями, — Готландцы, даже считают его “отдельной страной” в Швеции. Эта поездка стала для меня важнейшим событием. Во-первых, почувствовала там необычайный прилив энергии — словно в меня снова вдохнули жизнь. Стали записываться стихи. Во-вторых, на третьей неделе пребывания у меня актуализировался шведский язык, дремавший в голове почти тридцать лет. И вдруг — о, чудо! — я начала с дикими, наверное, ошибками, акцентом, но активно говорить на шведском, понимать разговоры окружающих»²⁰. Более того, находясь «там», поэтесса разглядела в Готланде и свою возможную родину, где бы при определенных обстоятельствах она сумела обрести свое творческое «я»: «<...> если бы <...> случилась вторая жизнь, в Швеции я, наверное, могла бы жить. Для меня это близкая страна»²¹.

Иная тональность в осмыслении островной ойкумены наблюдается в поэтической рецепции Т. Бек. В написанных в Швеции стихотворениях Готланд представлен амбивалентно. Это земля исторических, политических, социальных и ментальных

²⁰ Бек Т. «... Я живу в живых» ...

²¹ Там же.

контрастов. Именно в северном краю поэтесса остро почувствовала и осознала хаос и трагизм бытия, которые, по ее мнению, превалируют на исходе столетия во всем мироздании. На балтийском острове живописность обречена на вымирание, свобода оборачивается новой несвободой, иллюзией различных благ, гармония соседствует с дисгармонией, (пра)родина оказывается чужой и чуждой стороной, которую мысленно в глубине души трудно принять. Подобные самоощущения приходят к поэтессе далеко не сразу. Они рождаются постепенно по мере освоения ею скандинавского пространства — от радости знакомства с другой географией, бурной экспрессии через разочарования, состояние обреченности, отчаяния до нового самоопределения.

В шведских стихотворениях Т. Бек главным нервным узлом, точкой напряжения, отражающей ее двойственную рефлексию, является ситуация взаимоотношения внутреннего и внешнего миров, контакта между психологическим миром человека и окружающей его действительностью. Чаще всего подобные соприкосновения оказываются у нее ментально, визуально и интуитивно несовместимыми.

В стихотворении «Готланд» (1998) лирическая героиня представляет собой автопортрет поэтессы, «сгусток» ее основных описанных выше личностных «характеристик», находящейся в обыденной жизни в «разбавленном» состоянии²². «Это все я», — говорила о себе Т. Бек²³. Состояния приобретенного на острове викингов душевного равновесия героини мгновенно разрушаются или искажаются картиной увиденного. На Готланде во всем сквозит полярность — в описаниях цветов (розы в «слезах»), алые хрупкие розы посреди острова, в порту, торгующем рыбой), архитектуры (кирха в строительных «лесках»), лютеранской земли (вотчина в «мундире»), — вскрывающая безысходность некогда процветающего острова от несвободы сегодняшних реалий, ворвавшихся туда «извне»:

²² Бек Т. «... Я живу в живых» ...

²³ Там же.

Дикие розы прильнули к стене в слезах, —
Кажется, что молящие: “Смилуйся и приди”, —
Алые, мелкие, гордые, острова посреди,
В порту, торгующем рыбой (кто их тут посадил?),
А кирха на реставрации: в стальных “лесах”!
Вотчина лютеранская, втиснутая в мундир,
Военная атрибутика — крейсер... аэроплан...²⁴

И колокол в полном здравии: вот, разбудил —
Рано, в казённой келье, до петухов (петух —
Надо же, turp по-здешнему): на море, и скорей!²⁵

Внимание Т. Бек к предметному миру, прозаическим деталям, мелочам приватного бытия, склонность к изображению самых обыденных предметов в антагонистическом контексте, порождающем эффект абсурда и впечатление одиночества и сиротства, здесь не случайны. Повседневный антураж — от самого приземленного до высокого — наглядно подчеркивает усталость и надломленность островного мира. Его привычный ладный и мелодичный уклад жизни постепенно разрушается. Прием контраста является профессиональным языком Т. Бек.²⁶ В ее текстах он выполняет не столько эстетическую, сколько объяснительно-параллельную роль. С помощью контраста поэтесса заостряет внимание читателя, укрупняет таким образом «странные» готландские черты, обнаруживает и обнажает их суть.

Единственная по-настоящему радующая героиню на Готланде реальность — шведский язык. В его звучании она слышит продолжение слаженной некогда жизни, видит в нем загадочность и таинственность. Поэтесса отмечает необычную этимологию слов (гуси-лебеди — *svan*; ежик — *igelkott* от *igel* — пиявка +

²⁴ Бек Т. Узор из трещин. Стихи // Знамя. 2000. № 4 [Электронный ресурс]. / Электрон. ст. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/4/bek.html>.

²⁵ Бек Т. Узор из трещин. Стихи ...

²⁶ Бек Т. «... Надо работать» ...

kotte — шишка), открывает для себя русско-шведские звуковые перевертыши (петух — *tupp* — можно прочитать слева направо), удивляется новизне найденных значений. Привычные для ее русского уха слова обретают в шведском звучании свежесть, альтернативные символические свойства и атрибуты:

Впрочем, и гуси-лебеди (лебедь по-шведски *svan*:
Прелесть иноречения — как ветер чужих полян)²⁷

... (петух —
Надо же, *tupp* по-здешнему) ...²⁸

Сколько загадок в чужом языке живёт!
Знай поспевай за спиралью его излишка.
Ёжик по-шведски, представь себе, *igelkott*,
То есть *пиявка*, которая разом *шишка*.
Жизнь любопытна вся, несмотря на чин:
Храм — пивоварня — госпиталь — флаг овечий...
А музейный работник с ключом от руин
Песню споёт про Олафа (ихний вещей
Вроде Олега)...²⁹

Однако в неоднозначную островную зарисовку вплетается еще один сюжет — история души героини. Готланд становится местом ее национального и культурного самоопределения. Кто «я»? Скандинавка? Русская? Странница? Она стремится зафиксировать себя, разобраться в себе. Образ героини, ее ощущения меняются параллельно развитию сюжета о балтийской жизни. В ней постепенно проступают разные черты. Проверая себя верой во время скитальчества, она утверждает в самоидентификации

²⁷ Бек Т. Узор из трещин ...

²⁸ Бек Т. Там же.

²⁹ Бек Т. Там же.

фикации и приходит к осознанию своей принадлежности к русской культуре. После многочисленных поездок по миру Т. Бек неоднократно подчеркивала: «<...> хотя я обожаю путешествовать, мое место — и психологически, и архитектурно, и фонетически — Москва <...> мыслить умею только “здесь” <...> только в Москве я чувствую себя как рыба в воде» [4]³⁰. Будучи в Швеции она впервые почувствовала это:

Я всегда, путешествуя, прочь рвалась, с якорей
(Господи, просквози меня, заморозь и согрей).
С насеста, который — родина, и крест, и одно из двух.³¹

Благодарю тебя за позднюю лепоту:
Быть пилигримшей в родственном окоёме.³²

Мельница, хвоя, вереск, ветер в лицо до слёз...
Крест из лесных дощечек: “Спи под звездами, пёс”.
Окаменелости моря: *раукур* — вопль немой...
И в небесах над зыбью (Господи!) путь домой³³.

Изменчивые экзистенциальные переживания героини, преодоление ею испытаний запечатлены с помощью символов, связанных прежде всего с семантикой дерева: крест — мельница — хвоя — вереск — лесные дощечки. В поэтическом словаре Т. Бек дерево является центральным символом. С его образом она связывала надежду на выживание и преодоление препятствий. В связи с этим примечательны ее суждения, высказанные уже после поездки в Швецию: «Раньше в старой Москве, может быть, вы этого не застали, на крыше или на церковном куполе,

³⁰ Бек Т. «... Я живу в живых» ...

³¹ Бек Т. Узор из трещин ...

³² Там же.

³³ Там же.

часто без креста, росло дерево. Для меня это дерево было символом выживания. Казалось бы, уже некуда деть корни! Все! Но оно ухитряется прорасти даже сквозь камни или кровельное железо»³⁴.

В воспоминаниях и поэзии Т. Бек уживаются и история Готланда, и автопортрет на фоне времени. Готланд, вдохнувший жизнь и даровавший поэтессе свободу, навсегда остался в ее памяти. Он не стал для нее (пра)родиной, «родственным окоемом», но подарил ей возможность преодолеть разорванность своего частного бытия и на фоне дисгармонии обрести внутреннюю гармонию. Узнавание с юных лет своей (пра)родины трансформировалось у Т. Бек со временем в ее неприятие. Поэтесса почувствовала «там» знакомую ей по СССР несвободу. Современная скандинавская ойкумена находится во власти хаоса, постепенно разрушающего ее дивную природу и рукотворную красоту. Островная Швеция не смогла избежать надвигающегося «извне» разрушения. Это предупреждение. Отсюда и та противоречивость в восприятии Готланда, которая обнаружилась при непосредственном контакте Т. Бек с землей викингов.

Остров Готланд как благодатная Самария. Поэтический опыт И. Фонякова

Илья Олегович Фоняков (1935—2011) — потомственный петербуржец, ленинградец-блокадник, поэт, журналист. Школой жизни для него в первую очередь была блокада, потом старейшая петербургская школа «Петришуле». За ней последовал филфак Ленинградского университета и вместе с ним ленинградская школа поэзии³⁵. Много внимания И. Фоняков уделял переводам англоязычной, латышской, шведской литературы.

³⁴ Бек Т. «... Я живу в живых» ...

³⁵ Инфантьева А. Скончался выдающийся литератор Илья Фоняков [Электронный ресурс]. URL: <http://kbanda.ru/index.php/literatura/997-skonchalsyavdayushchij-sya-literator-ilya-fonyakov.html>.

Переводил стихи С. Окессон, А. Маннергейма, Л. Бекстрема, П. Курмана (Швеция), Х. Сеедорфа, С. Соренсена (Дания), И. Зиедониса (Латвия) и других поэтов Балтийского региона³⁶. Автор нескольких книг стихов — «Именем любви» (Л., 1957), «Восточнее Востока. Полгода в Японии» (М., 1987), «Мирное время» (Л., 1988), «Зеленая ветка Вьетнама» (М., 1989), «Своими словами» (СПб., 1999), «Япония в моем блокноте» (СПб., 2003), «Островитяне» (СПб., 2005), «Овертайм» (СПб., 2010). Публиковал также очерки, эссе, литературные портреты, статьи о поэзии и поэтах (Н. Заболоцком, Б. Пастернаке, С. Маркове, В. Шефнере и др.). Издал ряд монографических переводных сборников — «Имант Зиедонис. Смола и янтарь», 1965; «Омар Султанов. На ветрах Иссык-Куля», 1973; «Августин Маннергейм. Память боли», 1999; «Скорен Соренсен. Дни сомнений», 2001 и др.³⁷ Руководил рубрикой «Поэтический глобус Ильи Фоякова» в уникальных журналах «Царское село» и «Петербург», создал альманах «Складчина», проводил вечера переводчиков в память Александра Гуревича. Основал поэтическую мастерскую «Литератор». Его сравнивали с «атлантом, держащим небо», называли «поэтом в кубе», «гражданином мира»³⁸, «человеком уникальных знаний и темперамента», «человеком Возрождения» «не в смысле масштаба, но размаха»³⁹, «демиургом — духом организующим, вдохновляющим и будоражающим умы»⁴⁰, «носителем питерской культуры», остроумным «палиндромистом»⁴¹. Человек с феноменальной памятью,

³⁶ Дельфийский колесничий. Стихи Петера Курмана. СПб. : Геликон Плюс. 2006. 64 с.

³⁷ Кузьмичев И. С. И. Фояков // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь. Т. 3. П — Я. С. 588—590.

³⁸ Каримов Г. Вещий Олегович. Память о светлом человеке [Электронный ресурс]. URL: <http://www.proza.ru/2013/09/04/258>.

³⁹ И. Фояков. Из цикла «Поэты» / вст. ст. А. Рубашкина // Звезда. 2012. № 5.

⁴⁰ Памяти Ильи Фоякова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.srpomsk.ru/459.html>.

⁴¹ Алферова Т. Вечер памяти Ильи Фоякова [Электронный ресурс]. URL: <http://dompisatel.ru/node/649>.

«к нему обращались за “справками” о стихах в те времена, когда “гугл еще не работал”»⁴². Он «хорошо знал едва ли не всю русскую поэзию. У него был твердый голос и твердые устои. “Некарьерный”, всем нужный, легкий на подъем, он мог казаться консервативным, но поддерживал и новые тенденции поэзии в произведениях своих учеников»⁴³.

Излюбленные темы творчества И. Фонякова — история, война, поэтический дар, природа языка, слова, время. Его ранняя лирика живо отражала молодежные настроения периода «оттепели»: «здесь и романтика студенческих комсомольских строк, и безоглядное желание «вглядеться в простор не открытой земли», и рассуждения о «сущности атомной войны», и мечта о «смеющихся людях», строящих светлое будущее социалистической страны»⁴⁴. Эти стихи Фонякова подкупали — особенно сверстников — своей искренностью». Между тем символична запись сделанная поэтом незадолго до смерти, во многом объясняющая генезис и суть его творчества: «Время человеческой жизни — миг; ее сущность — вечное течение; ощущение — смутно; строение всего тела — бrenно; душа неустойчива; судьба — загадочна; слава — недостоверна. Одним словом, все относящееся к телу, подобно потоку, относящееся к душе — сновиденью и дыму. Жизнь — борьба и странствие по чужбине; посмертная слава — забвение. Но что же может вывести на путь? Ничего, кроме философии». Так говорил Марк Аврелий»⁴⁵.

Поэт постоянно совершенствовал форму и заботился о «выделке художественной ткани своих стихов», проявлял подчеркнутый интерес к сонету («Сонеты с улицы и двора», «Сонеты встречных», «Карабахские сонеты» и т. д.) и палиндрому («Стихи с палиндромами», «Парад палиндромонов»). Изла-

⁴² Алферова Т. Вечер памяти Ильи Фонякова [Электронный ресурс]. URL: <http://dompisatel.ru/node/649>.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Кузьмичев И. С. И. Фоняков ... С. 590.

⁴⁵ Каримов Г. Вещий Олегович. Память о светлом человеке [Электронный ресурс]. URL: <http://www.proza.ru/2013/09/04/258>.

гая свои поэтические принципы («Письма о поэзии к другу в Иркутск», 1984 г.), он в первую очередь воздавал «похвалу точности»⁴⁶. «Умение ладить с авангардистами вызывало уважение (и верлибром пишет поэт, и палиндромон активно использует в канонических стихах)»⁴⁷. В «затянувшихся бесконечных спорах на тему авангарда он предельно лаконичен и точен: Для меня вся поэзия — авангард. Пушкин — авангард, Блок — авангард, Заболоцкий — авангард. Авангард — всё, что смело, свежо, оригинально, истинно. Форма выражения — ритмические вариации, наличие или отсутствие знаков препинания, степень метафорической изощрённости — вопрос второй. Традиционная форма — нормальный литературный язык, классическая ритмика, логичность и ясность — лишь наиболее естественная форма выражения поэтической мысли. Она всегда будет существовать и всегда будет преобладать. Но всегда будут существовать и иные формы. Можно всё, даже вообще без слов».⁴⁸ Диапазон литературных акций И. Фонякова весьма широк. В частности, заслуживает внимания составленная им в соавторстве с Н. Н. Фоняковой антология «Поэты, которых не было» (русские поэтические мистификации XX в.) (СПб., 2000).⁴⁹ Помимо поэтического, И. Фоняков обладал «талантом вдумчивого слушателя, внимательного, человеколюбивого». Для него любая «рукопись, даже присланная крестьянкой из глубинки, представляла интерес <...> переводил с различных языков стихи никому не известных <...> авторов из различных уголков мира». Поэт любил повторять строки из Данте “Земную жизнь пройдя до половины” ...»⁵⁰.

⁴⁶ Кузьмичев И. С. И. Фоняков ... С. 590.

⁴⁷ Монахов В. В. Илья Фоняков — наше время для стихов // Самиздат. 2007 [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/m/monahow_w_w/ilxjafonjakow-nashewremjadljastihow.shtml.

⁴⁸ Монахов В. В. Илья Фоняков — наше время для стихов // Самиздат. 2007. [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/m/monahow_w_w/ilxjafonjakow-nashewremjadljastihow.shtml.

⁴⁹ Кузьмичев И. С. И. Фоняков ... С. 590.

⁵⁰ Каримов Г. Вещий Олегович ...

И. Фоняков не только публиковал переводы своих друзей и коллег — зарубежных поэтов, он рассказывал историю своих встреч, обстоятельства знакомства и дружбы с ними. Вот, например, его рассказ о датском поэте Вигго Мадсене: «В моем книжном шкафу среди других раритетов хранится уникум: поэтическая книжка, изданная в море, на борту корабля. Да, именно так: на борту советского лайнера “Константин Симонов” во время совместного круиза писателей стран Балтийского региона по Балтийскому морю. Очень скромная книжечка, набранная на компьютере и тиражированная в нескольких десятках экземпляров на ксероксе. Сейчас едва ли не каждый может сделать подобную книжку не выходя из дома. А тогда, в 1992 году, это было для многих в диковинку. Автором книжки был датский поэт Вигго Мадсен, большой чудак и выдумщик. В другой раз мне довелось видеть, как Вигго вырывал страницы из своей очередной книжки и бросал их в толпу. Прошли годы, и много воды утекло, и даже лайнер “Константин Симонов” был продан куда-то за долги, и теперь плавает под другим именем и под другим флагом, А мы с Вигго нет-нет да и встретимся. Чаще всего — на шведском острове Готланд, где расположен Балтийский центр писателей и переводчиков. Вигго и в стихах такой же чудак и выдумщик, как в жизни. Мало того, что он почти не пользуется рифмой и часто отказывается от знаков препинания — так пишут на Западе многие. Он и в сюжетах своих парадоксален: его стихи надо иногда буквально разгадывать. Почему, например, одно из его стихотворений носит длинное и отчасти шокирующее название “Она не могла заниматься любовью, пока открыт платяной шкаф”? Ведь в самом тексте ничего про это нет! Изволь догадываться, искать скрытую связь. Переводить такие стихи — мучение ... Ведь это Вигго, его „Экономика”, к примеру, скорее антиэкономика⁵¹. Там вожаделенные доллары

⁵¹ М. Вигго по образованию экономист. Речь идет о его работах в области экономики, маркетинга.

валяются под ногами, а поросята в кузове грузовика едут не на бойню, а на курсы совершенствования! Но трудно не при-
слушаться, когда Вигго говорит: “Удачи хочешь? Фрахтуй ко-
рабль побольше!”»⁵².

В 1992 году поэт участвовал в круизе «Волны Балтики» и ли-
тературных встречах в Центре писателей и переводчиков на
острове Готланд⁵³. В настоящее время изданы далеко не все сти-
хотворения и записи, посвященные данному событию. Между
тем даже единственный опубликованный из этой серии поэти-
ческий отклик «Воскресенье на острове Готланд» позволяет по-
чувствовать тональность авторского осмысления рождающего-
ся образа земли викингов⁵⁴.

Я здесь, как в благодатной
Самарии, Живу, судьбу-
индейку не дразня.
Ни грохота, ни дыма
индустрии,
Лишь волн прибрежных тихая
возня.

Так на душе невыразимо ясно,
Так легок и спокоен каждый
вдох,
Что кажется: вот то-то и
опасно,

Звонят колокола Святой
Марии, Оповещаая о начале
дня,
И состоянье нежной эйфории
Нисходит постепенно на меня.

Какой-то вдруг мерещится
подвох, Коварное,
предательское что-то.
Чур, чур меня! Вернись,
печаль-забота!

Для И. Фонякова остров Готланд — это пространство при-
родного величия и кротости, тишины и гармонии, где человек
обретает «ясность», «легкость» и «покой». Однако при этом
поэт с долей грусти и легкой иронии отмечает, что для при-

⁵² Каримов Г. Вещий Олегович ...

⁵³ Дельфийский колесничий ...

⁵⁴ Фоняков И. Стихи // Звезда. 2004. № 11. С. 4.

бывшего с материка современника находится в таком естественном состоянии становится неестественным. Он отвык от подобных чувств, настроений и ощущений, дарящих ему освобождение. Поэтому в такие мгновения человек становится ментально дезориентированным, расценивает происходящее с ним как иллюзию, мираж, «подвох», «коварность» и стремится вновь поскорее «надеть» на себя прежнюю «печаль-заботу». Он не может идентифицировать свое новое состояние и объясняет его, используя неопределенное местоимение «что-то». Утрачивая непосредственность и безмятежность, человечество приобретает взамен внутреннюю «размытость» и страх. Авторефлексивный смысловой комплекс поддерживается с помощью сравнения земли викингов с библейской благодатной Самарией (в переводе «сторожевое место, сторожевая башня»), антитезы двух миров — островного («лишь волн прибрежных тихая возня», другой «календарь», о начале дня оповещают колокола) и материкового («грохот», «дым индустрии»), игры слов «судьба-индейка» (см. пословица судьба-индейка, жизнь-злодейка/копейка) и «печаль-забота», смены стилистического строя — от нейтрального к разговорному.

Во время пребывания на острове Готланд, любования его ландшафтом, природой поэт открывает не замечаемые ранее на материке беды цивилизации, лишаящие мир первозданности. Есть ли у современника надежда на возвращение к благодатной Самарии?!

Готланд как остров детства и божественной любви. Поэтический опыт В. Гандельсмана

Владимир Аркадьевич Гандельсман (род. 1948) — петербургский поэт, переводчик англоязычной литературы, эссеист — эмигрировал в США в 1990 году. В настоящее время проживает в Нью-Йорке и Санкт-Петербурге. Основные темы творчества — память (прапамять, воспоминание, память рода), детство («самый подлинный миг в истории человека: миг до вранья»),

творчество, язык, мысль, время, пространство, Ленинград — Петербург — Нью-Йорк, война, шахматная игра, тело, суть вещей, бытия, инобытия⁵⁵. «Лирика Гандельсмана, — отмечает литературный критик Л. Панн, — вообще скорее онтологическая, чем психологическая. Переживание себя в мире расширяется до органичного ощущения мира в себе, себя миром. Его "я" появляется чаще всего в окружении реалий мира и при таком освещении, что свет падает больше на них, чем на "я", так что не блестит, приглушено это "я"»⁵⁶. «Вокруг он смотрит детскими глазами и всегда замечает те детали, которые взрослому невозможно заметить»⁵⁷.

Поэтическая родословная В. Гандельсмана восходит к творчеству В. Хлебникова (его «дыхание <...> слышится в смелости словотворчества», «самовитом слове»), О. Мандельштама (они близки «в способе и образе знания, выраженного тем же кружным, иррациональным путем»), И. Бродского («противостоят друг другу прежде всего способом видения и словом, этот способ вбирающим»)⁵⁸. Нередко его стихи апеллируют к М. Прусту⁵⁹, Р.-М. Рильке, Б. Пастернаку, В. На-

⁵⁵ См. сборники «Шум Земли» (Нью-Йорк, 1991), «Стихи» (Нью-Йорк, 1996), «С другого берега» (СПб., 1997), «Долгота дня» (СПб., 1998), «Эдип» (СПб., 2008), «Тихое пальто» (СПб., 2000), «Новые рифмы» (СПб., 2003), «Школьный вальс» (СПб., 2004), «Исчезновение» (СПб., 2008), «Каменный остров» (Нью-Йорк, 2009), «Ладейный эндшриль» (СПб., 2010), «Ода одуванчику» (М., 2010), «Видение» (СПб., 2012) и др. Рецензии: *Служевская И.* По Малой Невке, против течения. Владимир Гандельсман. Школьный вальс // Знамя. 2005. № 12; *Губайловский В.* О книге В. Гандельсмана «Исчезновение» // Новый мир. 2008. № 4; *Слепухин С.* Партитура города. Нью-Йорк и пригороды в поэзии В. Гандельсмана // Крешатник. 2006. № 4; Черешня В. Смертный Эдип. О стихах В. Гандельсмана // Октябрь. 1999. № 11. и др.

⁵⁶ Панн Л. «Знаешь ли, откуда небо вынуто?» // Литературный дневник [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vavilon.ru/diary/010502.html>

⁵⁷ *Сухой Д.* Владимир Гандельсман. Тихое пальто. Новые стихотворения. СПб., Пушкинский Фонд, 2000 // Октябрь. 2001. № 2.

⁵⁸ *Служевская И.* Стихи на вырост: Владимир Гандельсман // Звезда. 2001. № 7. См. также записные книжки В. Гандельсмана, в которых он размышляет о мирах М. Пруста, Ф. Кафки, Р. Рильке, В. Хлебникова, О. Мандельштама, А. Платонова, Б. Пастернака, В. Набокова, И. Бродского и др. Записные книжки опубликованы в кн.: *Гандельсман В.* Ода одуванчику. М.: Русский Гулливер. 2010. 340 с.

⁵⁹ Там же.

бокову⁶⁰. Поэт «работает в состоянии постоянного внутреннего диалога, то есть раскрепощения»⁶¹. В одном его стихотворении «наличествует» «чересполосица» т. н. авангардной и традиционной поэтик⁶². Для поэзии В. Гандельсмана характерны — поток сознания, передача голоса в лирическом стихотворении от одного персонажа к другому, «скрытый сюжет стихотворения — война ритма с рифмой»⁶³, приемы намеков, аналогий, гротеска, контрастных сопоставлений, разрушающих логику образа⁶⁴, диссонанса, аллитерации, совмещения традиционного и графического письма, разнотактная («неправильная», «визуальная») рифма.⁶⁵ Он виртуоз «плетения звуков», словотворчества и синтаксиса⁶⁶. Его стихи отличаются интенсивностью душевной энергии, они «ошеломляют буквальностью чувств, голой своей метафизичностью, отсутствием слезы»⁶⁷.

На острове Готланд поэт побывал в 2000-х годах. Шведский остров стал для него символом божественной благодати, чуда, где Небо соединяется с Землей. Наиболее показательно в этом плане стихотворение «Запах спящего дерева в церквях. Готланд» (2013). Попав на остров, лирический герой погружается в мир божественной чистоты. Ее истоком являются христианские образы — церковь, Христос, роза (святость), дерево, кровь Христа на дереве. Это «затеplenное» и хранимое пространство жизни, где

⁶⁰ Кобрин К. Наutilus памяти (фрагменты путеводителя по книге стихов Владимира Гандельсмана «Тихое пальто» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vavilon.ru/textonly/issue9/kobrin.html>; Бродский И. Предисловие к сборнику стихов Владимира Гандельсмана // Континент. 1991. № 66 [Электронный ресурс]. URL: <http://brodsky.ouc.ru/predislovie-k-sborniku-stikhov-vladimira-gandelsmana.html>.

⁶¹ Там же.

⁶² Панн Л. «Знаешь ли, откуда небо вынуто?» ...

⁶³ Кобрин К. Наutilus памяти ...

⁶⁴ Слепухин С. Партитура города ...

⁶⁵ Губайловский В. Визуальная рифма. О книге В. Гандельсмана «Новые рифмы» // Русский Журнал. 2003. 19 ноября.

⁶⁶ Служевская И. Стихи на вырост ...

⁶⁷ Бродский И. Предисловие к сборнику стихов ... Служевская И. Стихи на вырост ...

божественным светом освящено все: дом, островитяне, морская волна, небеса, камни, поляны. Оно естественно и первозданно. Не случайно с самого начала стихотворения автор делает акцент на рождающемся у человека во время пребывания на Готланде ощущении детства, олицетворяющего собой «суть вещей в их чистоте». В эссе «Био» В. Гандельсман писал: «Детство — это платоновские идеи, — суть вещей в их чистоте, — к этой сути мы возвращаемся, встречаясь с вещами в их “грязном” виде в своей взрослости»⁶⁸, «обращение к детству поэтому — обращение к лучшему себе»⁶⁹. «Ребенок — царь потому, что не раздвоен. Нельзя ведь даже сказать, что ребенку принадлежит весь мир. Он сам весь мир. Как миф, он вне времени, сплошная ясность, даже если задает вопросы, потому что его вопросы определены, не лукавы. Что это? Как это называется? А взрослое существование это привнесение в мир нашего непонимания этого мира»⁷⁰. Островитяне сохранили на своей земле утраченные на материках христианские добродетели (вера, свобода, любовь к ближнему, гармония с миром). «Спящее» дерево — это Бог, воскрешающий в герое любовь и энергию творения. Метафорами божественной любви являются «остров роз», «сосна», «сердце в руках монаха», «шелк бабочек», «отсвет земляничных полей», «чудеса»:

Розы, выросшие на камнях,
остров роз,
запах спящего дерева в
церквах,
детский Христос,
созданный не Отцом,
а плотником, Его отцом.

Остров, где каждый дом сияет,
где сосной
пахнет кровь Его рисованных
ран,
где жив земной
на щеках прихожан
отсвет земляничных полей.

⁶⁸ Гандельсман В. Био // Стороны света. № 10 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stosvet.net/10/gandelsman/>.

⁶⁹ Служевская И. Стихи на вырост ...

⁷⁰ Поэтический автопортрет. Владимир Гандельсман: стихи, запасные книжки. Беседа с литературным критиком Лилей Панн. Радио Свобода. 05.04.2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24200357.html>.

Так доверчивей, и так монах
кормит коз,
словно держит сердце своё в
руках,
сланец стрекоз,
шёлк бабочек, шёлк, шёлк,
знающий в лепетанье толк.

Там, где к ночи густеет замес
волн морских
и — под стать им —
мускулистых небес,
голос не стих
твой и взгляд не исчез, —
нет исчезновенья чудес⁷¹.

Данный смысловой комплекс усиливается в контексте размышлений поэта о символике дерева как божественного начала в знаменитом одноименном стихотворении:

Как дерево, стоящее поодаль,
как в неподвижном дереве
укор тебе (твоя отвязанность
— свобода ль?) читается (не
слишком ли ты скор?), как
почерк, что летя во весь опор,
встал на дыбы, возникшей
остановлен, на вдохе, в
закипании кровей, на поле
битвы-графики ветвей, как
сеть, когда, казалось бы,
отловлен, но выпущен на волю
ветер (вей!),

как дерево, как будто это
снимок извилин Бога, дерево,
во всём молчащем потрясении
своём, как замысел, который
насмерть вымок, промок,
пропах землёй, как птичий
дом со взрывом стаи глаз,
как разоренье простора,
с наведённым на него стволом,
как изумительное зренье,
как первый и последний
день творенья, когда не надо
больше ничего⁷².

И. Бродский подчеркивал, что в стихотворениях В. Гандельсмана есть «любовь любви, любовь к любви — самая большая новация в русском стихе, в этом веке запечатленная»⁷³. В мировидении поэта именно остров Готланд возвращает человека в это уже забытое первозданное божественное состояние.

⁷¹ Гандельсман В. Запах спящего дерева в церквах. Стихи // Знамя. 2013. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://brodsky.ouc.ru/predislovie-k-sborniku-stikhov-vladimira-gandelsmana.html>.

⁷² Гандельсман В. Ода одуванчику. М. : Русский Гулливер. 2010. С. 75.

⁷³ Бродский И. Предисловие к сборнику стихов Владимира Гандельсмана ...

Резюмируем сказанное. В «шведском» тексте русской литературы на рубеже XX—XXI вв. остров Готланд является ключевым символом. В восприятии русских писателей он наделен амбивалентной семантикой — жизнь/смерть, свобода/страх, гармония/дисгармония. У каждого из побывавших на острове поэтов уникальный опыт островного видения. Однако всех их объединяют общие впечатления, топики, образы, мотивы. Готланд стал олицетворением божественной любви, творческой свободы, разностилья и коммуникации между человеком — Богом — природой, островом утрат и преображения. Вместе с тем Готланд не избежал влияния последствий глобализации. Хаотичность и абсурдность — основная черта современного острова. Разрушается его дивная природа, рукотворные памятники, появляются несообразные пейзажи. Свобода сменилась несвободой. Культурный ландшафт Готланда воссоздается с помощью системы как универсальных (небо, остров, море, корабль, птицы, камни, дерево, воздушные стихии), так и национальных символов (кирха). Наиболее характерными художественными приемами в создании балтийского пространства являются антитеза, сравнение, гипербола, метафора.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. С какими образами, событиями, символами ассоциируется о. Готланд в мировой культуре?
2. Какова специфика формирования и развития «готландского» дискурса в современной русскоязычной литературе?
3. Назовите имена русскоязычных писателей, посвятивших свои произведения готландским реалиям.
4. Какие образы и символы являются наиболее типичными в создании готландского хронотопа?
5. В чем состоит уникальность восприятия о. Готланда в поэзии Т. Бек, И. Фоякова, В. Гандельсмана?

ТВОРЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ

1. Изучите самостоятельно творчество русскоязычного писателя (на выбор) и ответьте на следующие вопросы:
 - а) каким образом эмиграция/путешествие на о. Готланд оказали влияние на творчество писателя?
 - б) изменилась ли его самоидентификация?
 - в) в чем именно обнаруживаются эти изменения? Оформите свои наблюдения в форме эссе, заметки, статьи.
2. Разработайте проект на тему «Шведские острова в русскоязычной и шведской литературе».
3. Напишите сценарий к фильму (документальному/игровому), посвященному проблеме осмысления шведского островного пространства писателями-путешественниками разных стран и времен.
4. Организуйте круглый стол на тему «Шведские острова в мировой литературе: мифология и поэтика». Или предложите свою тему для обсуждения.
5. На основе собранных в процессе работы материалов составьте и подготовьте тематический сборник рассказов, очерков, повестей / стихотворений, посвященный шведским островам.

ГЛАВА 2

Постмодернистские «Пути к раю. Комментарии к ненаписанной рукописи» П. Корнеля «Нелинейное письмо».

Творчество Петера Корнеля (*Peter Cornell*, р. 1942) занимает особое место в литературном процессе Швеции. Это тот случай, когда художник приходит в литературу из другой области гуманитарного знания. Основная специальность Корнеля — искусствоведение. Он был преподавателем истории искусства в Стокгольме, в настоящее время публикуется в ежедневной шведской газете «Экспрессен». Работы Корнеля 80—90-х годов, такие как «Потаённый источник. О формах инициации в искусстве, литературе и политике» (1981), «Вещи. О наглядности предметов» (1993), «Общее пространство» (1998, в соавторстве со скульптором С. Линдблумом), являются междисциплинарными исследованиями, синтезирующими философскую, искусствоведческую и социологическую методологии познания. Безусловно, это само по себе значимо как новое направление научного поиска. На современном этапе Корнель издаёт, пожалуй, менее философичные, но более креативные исследования: «Рagnar фон Хультен, видения» (*Ragnar von Holten, syner*, 2008)⁷⁴ о художнике и исследователе сюрреализма в шведском искусстве, «Люди на улице. Проституция и модернизм» (*Mannen på gatan: prostitution och modernism*, 2009⁷⁵; «Об Улле Вигген»

⁷⁴ Cornell P. Ragnar von Holten, syner. Stockholm : Carlsson, 2008. 62 s.

⁷⁵ Cornell P. Mannen på gatan: prostitution och modernism. Stockholm : Gidlunds förlag, 2009. 103 s.

(*Om Ulla Wiggen*, 2013)⁷⁶ о художественных проектах своей бывшей жены, в творчестве которой одним из приёмов является изображение на картинах внутренних органов человека.

Обращает на себя внимание заглавие первой работы — «Потаённый источник». Поиск первоначала разрабатывался Корнелем и в дальнейшем, в том числе и в его художественном произведении «Пути к раю. Комментарии к ненаписанной рукописи» (*Paradisets Văgar: Noter till ett F rlorat Manuskript*, 1987)⁷⁷, которое стало его единственным опытом в художественной литературе.

В России роман был издан в переводе Ю. Яхниной в 1999 году с предисловием Милорада Павича. По его рекомендации роман был перевед н на сербский и вышел в известном журнале «Писмо». О тексте Корнеля Павич писал как о ярком примере «романа в сносках»⁷⁸, так как замысел произведения состоял в том, чтобы дать только комментарии к некоему тексту, который был задуман, но не написан. Как и в других произведениях подобного жанра, Корнель в «Предисловии» сообщает: «Автора этой книги хорошо знали в Королевской библиотеке в Хумлегордене. Более трёх десятилетий подряд его почти ежедневно можно было увидеть в тихом научном зале, где он сидел, погружившись в исследования и раздумья. Говорили, что он работает над необычайно широким проектом, над произведением, которое — как он однажды признался в доверительном разговоре — призвано выявить целый ряд до сих пор не замеченных связей»⁷⁹. Однако от «капитального труда сохранился только научный аппарат»⁸⁰.

⁷⁶ *Cornell P., Petersson F. J. Om Ulla Wiggen. Stockholm : Axl Books, Moderna museet, 2013. 42 s.*

⁷⁷ *Cornell P. Paradisets Văgar: Noter till ett F rlorat Manuskript. Stockholm : Gidlunds f rlag, 1987. 109 s.*

⁷⁸ *Павич М. Корнель и нелинейное письмо // Корнель П. Пути к раю. Комментарии к ненаписанной рукописи / пер. со шведского Ю. Яхниной. СПб. : Азбука, 1999. С. 5.*

⁷⁹ *Корнель П. Пути к раю. Комментарии к ненаписанной рукописи / пер. со шведского Ю. Яхниной. СПб. : Азбука, 1999. С. 9.*

⁸⁰ Там же. С. 9.

Так, Корнель предлагает ещё один вариант текста о тексте, причём отсутствие самой рукописи и поиск читателем её возможного смысла увязываются с целью самого повествования, обозначенной в названии: «Пути к краю», т. е. пути к смыслу, к центру бытия, который часто остаётся недостижим или существует только в наших субъективных представлениях о нём. С первой страницы предлагается воспринимать книгу и, соответственно, мир, который она отражает, как ризому: «С уверенностью утверждать, что этот порядок был окончательным, мы не можем — нельзя исключить и другую последовательность»⁸¹. Сходную мысль находим и в одной из его недавних статей в газете «Экспрессен». Описывая мироздание, Корнель выявляет два основных полюса противостояния, которые образуют его единство: порядок/принуждение (*ordningen/tvånget*) и хаос/свобода (*kaos/frihet*)⁸².

Подобная ризомная форма романа до П. Корнеля уже появлялась в шведской литературе: к ней обращался философ и писатель Ларс Густафссон (*Lars Gustafsson*, р. 1936), который начал свою литературную карьеру именно с подобных экспериментов. А. А. Мацевич охарактеризовал произведения Густафссона как результат его увлечения теорией познания: «Его первая, небольшая книга “Привал” (*Vägvila*, 1957)⁸³ с подзаголовком “мистерия в прозе” (*ett mysteriespel på prosa*), построена в форме комментариев фиктивного издателя к найденной им рукописи некоего романа. В романе “Последние дни и смерть поэта Брумберга, романтическая повесть” (*Poeten Brumbergs sista dagar och död, en romantisk berättelse*, 1959)⁸⁴ отчасти варьируется основной приём первой книги. Он состоит из фрагментов и цитат из сочинений

⁸¹ Корнель П. Пути к краю. С. 9.

⁸² Cornell P. Onaturens system // Expressen. 02-10-2014 [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.expressen.se/kultur/onaturens-system-1/>.

⁸³ Gustafsson L. *Vägvila: ett mysteriespel på prosa*. Uppsala: Siesta Bokförlag, 1957. 127 s.

⁸⁴ Gustafsson L. *Poeten Brumbergs sista dagar och död, en romantisk berättelse*. Stockholm: Norstedt, 1959. 231 s.

героя — поэта и философа, — его ренессансного романа «Князь» и из воспоминаний, комментариев, заметок и отступлений его друзей, стремящихся постигнуть сущность произведения. Отвергая искушение некоего гостя — Сатаны, пытающегося внушить ему упрощённую идею однозначности и упорядоченности мира, Брумберг противопоставляет общепринятым условностям, придающим устойчивость бытию, мысль о многообразии и многозначности, безграничности и тайне мироустройства. Философский характер дилеммы ведёт к гносеологической проблеме: возможен ли контакт с этой действительностью и её отражение в слове?»⁸⁵.

Как видим, ещё в 1957 году подобная структура, названная позже М. Павичем «нелинейное письмо», была использована в шведской литературе. Очевидно, что и сам Густафссон почерпнул идею у великих предшественников, прежде всего у Э. Т. А. Гофмана. Роман немецкого романтика «Житейские воззрения кота Мурра» также содержал предисловие издателя и перемежающиеся фрагменты биографий композитора Крейсlera — с одной стороны, и «учёного» кота — с другой. Полный текст рукописей у Гофмана также отсутствовал, и читатель должен был сам домыслить как биографию гения Крейсlera, переживающего муки творческого поиска, так и «биографию» филистера-кота, лишённого критической рефлексии. Густафссон не скрывал отсылок к немецкому романтизму: подзаголовок «романтическая повесть», фамилия Брумберг и немецкий культурный контекст в целом являются «ключом» к разгадке замысла романа. Напомним, что в романтической новелле Гофмана «Принцесса Брамбилла» героиню, именем которой назван текст, нельзя было увидеть невооружённым глазом, только через специальные очки. Тот же мотив был использован Гофманом в «Песочном человеке»: Натанаэль мог видеть предмет своей любви — Олимпию — только через подзорную трубу. Образы стекла

⁸⁵ *Мацевич А. А.* Шведская литература от 1880-х годов до конца XX века. Словарь-справочник. М. : ИМЛИ РАН, 2013. С. 236.

и искажающих пропорции линз были для Гофмана метафорой деформации действительности, её неуловимости. Но у романтиков гносеологический подход к проблеме постижения Истины не был так пессимистичен, как у модернистов. Романтическое мироощущение предполагало, что Истина существует, но открывается она лишь избранным, посредникам между мирами. Нельзя забывать, какое значение имела в романтизме философия тождества Шеллинга, обосновавшего параллелизм между этой реальностью и потусторонним миром. Иными словами, у Гофмана суть происходящих явлений (или, для начала, их взаимосвязь) в итоге могла быть обнаружена, причём только поэтом, художником, студентом — кем-то из духовных избранных. В романе Густафссона, созданном в конце 50-х годов, в период сильного влияния в Швеции модернизма и экзистенциализма, поэт Брунберг должен был пережить разочарование и *потерю надежды* на обретение Истины. В модернистской эстетике господствовало представление, что Истина есть, но она непостижима.

Роман П. Корнеля — это постмодернистский по своей форме поворот известной темы. Он особенно интересен в шведском контексте, так как постмодернизм в шведском литературном процессе имеет свою специфику. Формально и даже тематически текст претендует на «нелинейное письмо» и гипертекстовую структуру с невозможностью отыскать среди многочисленных отсылок *центр*, и в то же время в тексте обнаруживается характерное для шведского мироощущения наличие этого центра, который, как нам представляется, автором довольно явно обозначен.

Чтобы разъяснить характер этого литературного феномена, вернёмся к проблеме нелинейного письма, природа которого, равно как и его дефиниция, стала изучаться совсем недавно, главным образом, после активно рекламируемой Милорадом Павичем концепции нелинейности его романа «Хазарский словарь» (1984). В предисловии к роману Корнеля Павич отмечал, что, с его точки зрения, «Пути к раю» — «одно из тех произведений, которые, избавившись от рабства линейности языка,

открывают перед нами, читателями, возможность самим участвовать в создании определённого текста, возможность переместить процесс чтения на новый уровень. На уровень, где ветвятся наши мысли и наши сны, совершенно нелинейные, в отличие от языка, на котором веками писали классики»⁸⁶. Автор российского диссертационного исследования о нелинейном письме Д. В. Спиридонов пишет: «В самом общем виде главной особенностью произведений, так или иначе подпадающих под дефиницию „нелинейного письма“, можно считать устранение „предзаданной“ фабулы: „нелинейный“ текст обычно разделен на относительно самостоятельные (в смысловом и сюжетном отношении) фрагменты, которые могут комбинироваться читателем либо свободно, либо на основе разработанного автором алгоритма, позволяющего передвигаться от одного фрагмента (главы, статьи, примечания, записи и проч.) к другому — таким образом, читатель самостоятельно выстраивает собственный текст (или тексты), который даже не обязательно должен состоять из всех имеющихся в произведении фрагментов. При этом автор, как правило, программирует определенные эффекты восприятия произведения, связанные с допущением различных комбинаций фрагментов, которые открывают различные смысловые и интерпретационные пути (порой прямо противоположные, в зависимости от конкретной комбинации). В таковом виде понятие «нелинейного письма» употребляется наряду с такими терминами, как «гипертекстовая литература» (hypertext fiction, hyperfiction, fiction hypertextuelle), «комбинаторная литература» (littérature combinatoire), «интерактивное письмо» (interactive fiction, écriture/fiction interactive). В силу отсутствия единой и сколько-нибудь длительной традиции употребления этих дефиниций, определить их соотношение нелегко»⁸⁷.

⁸⁶ Павич М. Корнель и нелинейное письмо. С. 6.

⁸⁷ Спиридонов Д. В. Эстетика историзма и поэтика нелинейного письма в европейской литературе конца XX века : дис... канд. филол. наук. Екатеринбург : Уральский гос. ун-т, 2008. С. 3.

Источниками «нелинейного письма» в XX веке автор считает произведения Х. Л. Борхеса и У. Эко⁸⁸. На наш взгляд, подходы к этому приёму всё же были заложены раньше, на романтической стадии развития литературы — при всех уточнениях, которых требует этот тезис, поскольку различны были картины мира у романтиков и постмодернистов. В дальнейшем к пониманию множественности истин и соответственно множественности сюжетных линий, интерпретирующих реальность, подходили поздние модернисты: наряду с Борхесом использовал близкую структуру Акутагава в новелле «В чаще», У. Фолкнер в романе «Шум и ярость», Г. Гессе в «Записках Гарри Галлера» из «Степного волка». Эти тексты демонстрировали, что существует столько же миров, сколько сознаний. В постмодернистской концепции ни одна из субъективных версий не является истиной и не формирует представление о ней. По этой причине постмодернизм и воспринимается как «постистория», т. е. как множественность нелинейных частных интерпретаций истории (прошлого, настоящего, будущего) при отсутствии единого линейного вектора движения времени. Отсюда право художников на «альтернативную историю», на псевдодокументальный жанр «мокьюментари» (*mockumentary*) — фальсификацию или мистификацию «документов» эпохи, на «докудramу» (*docudrama*), обыгрывающую ложность постановочных «документальных» кадров в коммерческом кино, и прочее.

В литературном постмодернистском контексте приём множественности частных интерпретаций или заведомо ложных посылок обнаруживается в большом количестве известных текстов: «Бесконечный тупик» Д. Галковского, «Игра в классики» Х. Кортасара, «Мир Софии» Ю. Гордера.

⁸⁸ См.: Эко У. Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб. : Академический проект, 2004. 384 с. Подробнее об этом: Спиридонов Д. В. Х. Л. Борхес, У. Эко и две модели повествования (к вопросу о генезисе нелинейного письма в европейской литературе) [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/h-l-borhes-u-eko-i-dve-modeli-povestvovaniya-k-voprosu-o-genezise-nelineynogo-pisma-v-evropeyskoy-literature>.

Анализируя «нелинейные» тексты, за исключением романа Корнеля, о котором мы скажем отдельно, исследователь подчёркивал мысль о *мотиве утраты* первоначального единства, которое герои текстов разными способами «собирают»: как пазлы, энциклопедию, иллюстрации. У Павича «истории как реальности» тоже «больше не существует, существуют лишь многочисленные» и «противоречивые рассказы о прошлом». И главное, у этих авторов *нет* стремления обнаружить цельность. Иными словами, в текстах, которые являлись постмодернистскими по нарративной структуре, постмодернистской была и сама *идея*, согласно которой подвергалась деконструкции возможность существования истины. Не случайно постмодерн постоянно оперировал понятиями «симулякр», т. е. «подобие», и «палимпсест», т. е. написанный поверх уже когда-то созданного оригинала, но никогда не сам оригинал.

Роман П. Корнеля интересен тем, что автор, оказавшись в плену похожей структуры, содержательно её переориентировал.

Так, Иерусалим, который чаще всего возникает в сносках как основной пространственный «претендент» на центр мира, изображён как лабиринт, в котором «главный» центр нельзя обнаружить. В то же время такая возможность автором не исключается.

Корнель предлагает различные варианты искомого центра. Это может быть «спираль наутилуса» (ракушка «жемчужный кораблик»), которая логарифмически расширяется согласно шкале чисел: 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, 55, 89, 144 и т. д., где каждое число являет собой сумму двух предыдущих. А отношение большего числа к соседнему, меньшему, образует в пределе «золотое число» 1, 618...⁸⁹. Можно усмотреть центр земли в венчике цветка подсолнуха, в пирожном «мадлен» из романа Марселя Пруста, в лабиринтах города, описанного сюрреалистом Андре Бретоном в период «автоматического письма». Это может быть точка схождения перспективы, выявленная Леонардо да Винчи, или, напротив, расхождение плоскостей перспективы в живописи

⁸⁹ Корнель П. Пути к раю. С. 83.

П. Сезанна. Истину можно почувствовать в кратере Везувия, в расщелине горных пород, в фетишизированном столбе австралийских аборигенов, которые переносили его с собой и устанавливали как новый центр миропорядка там, где останавливалось племя. Для путешественников центром земли может быть Рим или Египет, как для Шатобриана, для других — Иерусалим и Гроб Господень, как для Фредерики Бремер, для третьих — Восток — «неопределённое магнитное поле, лишённое центра и конечной точки», куда отправился в поисках смысла жизни Нерваль. Для кого-то это парк, «где приходят в движение безумные мечты обывателей»⁹⁰, для других — потерянное, забытое слово. Для Малларме смыслом было создание «Книги», над которой он работал всю жизнь, написал 25 томов, но замысел так и не был реализован. Для иных это разгадка «Собаки Баскервиллей», как для Фрейда — разгадка человеческих комплексов, в том числе в его рассказах «Человек-крыса» и «Человек-волк». Фактически каждая сноска, кому бы она ни принадлежала: от Фомы Аквинского до Мирчи Элиаде, от Плутарха до Мишеля Бютора, от Эммануила Сведенборга до Гастона Башляра — это вариант предполагаемого центра.

В сноске № 3 сообщается: «„Середина мира“, „сердце мира“. Эти понятия встречаются во всех культурах, даже если географическое или топографическое положение центра варьируется: это может быть страна, пещера, гора, башня или город. Все эти вымышленные места ведут своё происхождение от фантазий о Святой земле». «Речь идёт о земном рае, который является отправной точкой любой религии».⁹¹

По этой причине особую роль в романе действительно играет тема Иерусалима. Для христиан посещение Земли Обетованной и поклонение Гробу Господню является заветной мечтой, равной обретению смысла бытия. Однако в постмодернистском контексте сакральный образ Иерусалима подвергается

⁹⁰ Корнель П. Пути к раю. С. 147.

⁹¹ Там же. С. 11—12.

деструкции. Точнее, и он лишь *возможный* центр земли для *возможного* паломника. Так, Иерусалим, действительно, можно считать Раем, где был рождён Адам, и это то же самое место, где впоследствии был распят Христос. Об этом свидетельствует сноска № 9, указывающая на работу М. Элиаде «Миф о вечном возвращении»: «Подобных представлений придерживались и иудеи: в древнееврейских комментариях к Библии (*Midrash*) местом, где сотворён Адам, назван Иерусалим. Адам был погребён там же, где был создан, в центре мира, на Голгофе»⁹². Однако в Иерусалиме есть три сакральных места, каждое из которых может претендовать на истинный центр земли: «С одной стороны, была гора, которая служила основанием храма Соломона, — на её вершине как раз и находился жертвенник; эта же самая гора позднее считалась местом, откуда вознёсся на небо Мухаммед (Магомет). С другой стороны, была Голгофа и храм Гроба Господня, где по-прежнему находилась чаша с круглым камнем внутри, которая была отметиной середины мира»⁹³.

В сноске № 12 приводится текст из путевого дневника шведской писательницы XIX века Фредерики Бремер «Жизнь в Старом Свете. Дневниковые заметки во время путешествий по южным и восточным странам», в котором сообщается, что «само место, храм Гроба Господня, вызвало у писательницы разочарование, которое нельзя не отметить: «Спектакль для детей, безвкусный и фальшивый. Здесь тебе не удаётся проникнуться благоговением, возвыситься духовно...» И далее: «Я пережила праздник Пасхи прежде всего у себя в душе»⁹⁴.

Её резюме переносит центр земли в наш собственный духовный мир, и, следовательно, искать его стоит не вне, а внутри нас.

Однако текст Корнеля лишён однозначности. Так, завершает роман сноска № 38 с большим фрагментом из новеллы шведского романтика К. И. Л. Альмквиста, соперничающего по части целого ряда художественных открытий с Эдгаром По, с которым

⁹² Корнель П. Пути к раю. С. 13.

⁹³ Там же. С. 13—14.

⁹⁴ Там же. С. 14—15.

его роднят интерес к построению детективного повествования, погружённость в оккультное знание и сходные художественные поиски центра вселенной.

Приводится отрывок из новеллы «Барон Юлиус К.»:

Мы двинулись далее по Омбергу и вскоре оказались на главной его возвышенности у самого Веттерна. Отсюда открывается широкий и прекрасный вид на озеро до самого вестергётландского берега, тянущегося перед нами с севера на юг. Веттерн — одно из самых глубоких, опасных и беспокойных озёр, на нём легко начинается волнение, и тогда оно вздымается ужасными волнами...

— Ни одно из мест, виденных мной на земле, — сказал пришелец, — не напоминает так гору Кармил, пусть в миниатюре, как этот наш шведский Омберг.

— Кармил в Палестине! — воскликнул Франс. И все остальные посмотрели на нашего бледного путешественника.

— Господин барон побывал в Палестине? — спросила я зачарованно.

— Я был на горе Кармил, — сказал он с расстановкой. — Гора Кармил, как и эта гора, не такая уж высокая и островерхая — это просторное плато в нескольких сотнях футов над зеркалом моря. Оттуда открывается пленительный вид на Средиземное море на западе, как здесь мы можем любоваться нашим маленьким Средиземным морем, Веттерном. Будь то озеро Токерн расположено дальше отсюда, я сравнил бы его с Тивериадским морем или Генисаретским озером. Не хватает одного: в глубине на северо-востоке нет Ливана, разве что мы примем за него тёмную протяжённость Кольмордена и склоны Муталы. Нет здесь также внизу на открытом пространстве Иерусалима, а выше на нашей шведской горе Кармил нет пещеры святого Илии.

— Совершить путешествие в Палестину, в Землю обетованную, в наше время, в девятнадцатом веке, — дело совершенно необычное, — заметила я.⁹⁵

⁹⁵ Корнель П. Пути к раю. С. 166—168.

Этот фрагмент подводит итог повествованию.

Конечной точкой литературного путешествия становится именно Швеция. Альмквист — шведский мистик, визионер, интуит. Безусловно, уникальная фигура в шведском романтизме⁹⁶.

Представленный фрагмент из Альмквиста позволяет П. Корнелю завершить путешествие именно в Швеции, причём не только в литературном смысле (так как Альмквист — шведский писатель), но и в географическом, так как конечной точкой духовного пути автора является родина. В смысловом отношении это не стоит считать игровым элементом.

Здесь, в финале, создан образ озера Веттерн, описание которого имеет свой символический подтекст. Оно тоже может интерпретироваться как центральная точка пространства, как Южный полюс или водоворот Мальстрём у Эдгара По. У американского романтика есть целый ряд новелл, описывающих поиск той же оси мира: «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима», «Дневник Джулиуса Родмена», «Повесть Скалистых гор», «Поместье Арнгейм», «Домик Лэндора» и др.⁹⁷ В одной из рецензий П. Корнеля находим подтверждение того, что он тоже ощущал «метафизическое измерение великого произведения Э. По»⁹⁸ — «Повести о приключениях Артура Гордона Пима» — и, следовательно, мог иметь в виду высказанные Эдгаром По предположения.

Как известно, американский романтик полагал, что согласно картам Меркатора вход в центр земли должен быть в точке Южного полюса, куда и стремятся попасть его персонажи. Но

⁹⁶ Лишь несколько лет назад Альмквист был «открыт» и по-новому прочтён известным шведским литературоведом Юханом Сведьедалем. Сведьедадь посвятил творчеству писателя несколько монографий. См.: *Svedjedal J. Frihetens renasak: Carl Jonas Love Almqvists författarliv 1841–1866*. Stockholm : Wahlström & Widstrand, 2009. 559 s.

⁹⁷ Подробнее о космологии Э. По см. в нашей работе: *Козлова (Кобленкова) Д. В.* Художественно-философские истоки и формы гротеска в новеллистике Э. А. По: дис... канд. филол. наук. Н. Новгород, 1997.

⁹⁸ *Cornell P. Orden och bilderna* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.omkonst.com/12-tioarsjubileum-cornell-peter.shtml>.

и другие «духовные» пространства могут быть наделены подобной возможностью. Например, водоворот, описанный в новелле «Низвержение в Мальстрём». Обратим внимание: в этой новелле для американского писателя Эдгара По точкой отсчёта, искомым центром земли представляется *скандинавский* водоворот, находящийся в Норвежском море у северо-западных берегов Норвегии:

Прошло не больше двух-трех минут, как вдруг мы почувствовали, что волны отхлынули и нас обдает пеной. Судно круто повернуло на левый борт и стремительно рванулось вперед. В тот же миг оглушительный грохот волн совершенно поглотил в каком-то пронзительном свисте, — представьте себе несколько тысяч пароходов, которые все сразу вместе гудят, выпуская пары. Мы очутились теперь в полосе пены, всегда окружающей водоворот, и я подумал, что нас, конечно, сейчас швырнет в бездну, которую мы только смутно различали, потому что кружили над ней с невероятной быстротой. Шхуна наша как будто совсем не погружалась в воду, а скользила, как пузырь, по поверхности зыби. Правый борт был обращен к водовороту, а слева громоздился необъятный, покинутый нами океан. Он высиля подобно огромной стене, которая судорожно вздыбливалась между нами и горизонтом⁹⁹.

Впоследствии Мальстрём неоднократно символизировал мистическое пространство — «входные ворота» в иное измерение. Интересовался Мальстрёмом и Жюль Верн. Одним из самых показательных его литературных замыслов было создание трёх произведений: «Путешествие к центру Земли», «Путешествие на Луну» и «80 дней вокруг света». В выдающемся по символической образности приключенческом романе «Двадцать тысяч лье под водой» подводную лодку капитана Немо затянуло в Мальстрём, и благодаря этому профессор Аронакс и его спутники смогли покинуть её, избежав смерти. В символическом контексте

⁹⁹ По Э. А. Низвержение в Мальстрём / пер. с английского М. Богословской // По Э. А. Избранное: в 2 т. Т. 2. М. : ТЕРРА, 1996. С. 439.

это означало отказ от перехода в иное пространство, в которое переместился легендарный капитан Немо. В имени этого героя заключено много интертекстуальных отсылок, само оно тоже порождает таковые, например, в шведском романе П. У. Энквиста (*Per Olov Enquist*, р. 1934) «Библиотека капитана Немо» (*Kapten Nemos bibliotek*, 1991)¹⁰⁰. Помимо Эдгара По и Жюль Верна, считавших Мальстрём одним из возможных «врат» в параллельный мир, образу Мальстрёма посвятили стихотворения русские символисты¹⁰¹ и акмеисты (В. Брюсов и Н. Гумилёв), которые были страстными почитателями Эдгара По, и целый ряд современных европейских и американских художников и кинематографистов. Открытие взаимосвязей между текстами Альмквиста, Э. По, Ж. Верна, П. У. Энквиста, русскими модернистами и текстом самого Корнеля постепенно начинает напоминать ту же работу, которую проводил и безымянный герой-редактор в романе Корнеля.

Так, фрагмент из Альмквиста, приведённый в финале романа «Пути к раю», своей символической многозначностью усиливает воздействие и без того насыщенного гиперссылками текста.

Вернёмся к образу Иерусалима, о котором идёт разговор не только на протяжении романа, но и в заключительном фрагменте. С одной стороны, в этом отрывке есть ирония по отношению к любому пространству, кроме Палестины. То есть, несмотря на снижение образа Иерусалима по ходу создания комментариев, город тем не менее способен оттенить ещё более слабые подобию-симулякры.

В тексте Корнеля действительно нет единственного центра, хотя герой, автор рукописи, занят его поиском и описанием. Но в этом видится не столько постмодернистское прочтение материала, сколько возвращение к романтическим

¹⁰⁰ *Enquist P. O. Kapten Nemos bibliotek. Stockholm : Norstedts, 1991. 249 s.*

¹⁰¹ Подробнее о влиянии произведений Эдгара Аллана По на творчество русских символистов см. в работах Т. Колчевой.

идеалам, к концепции Гёте и Новалиса: путь к истине важнее обретения истины, ибо за словами «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» последует духовная смерть, так как не будет дальнейшего развития. Герой в романе Корнеля искал *невидимые связи* более тридцати лет, как Малларме писал всю жизнь свою «Книгу». Следовательно, *описание* Рая и есть центр его мира, вокруг которого вращалась вся его жизнь. В этом контексте можно понять замысел Корнеля как *оппозицию* постмодернистскому пониманию бытия: по Корнелю, этот центр *существует* и находится он в сознании человека, о чём говорила Фредерика Бремер в цитируемом Корнелем фрагменте из её путевого дневника. Именно поэтому Да Винчи искал точку перспективы, Бретон находил её в расщеплении сознания автоматическим письмом; Шатобриан — в своём «линейном» путешествии по Египту, и совсем иной, но не менее важный центр ощутил в душе Нерваль, странствующий паломником по Востоку как антилинейному пространству. То есть центр земли — в нас самих, в наслаждении впечатлениями от чашечки подсолнуха, в шмеле, в божьей коровке, увиденной в нужный момент и ставшей квинтэссенцией счастья — индивидуально-го Рая.

Сам процесс переживания мистической связи с первоосновой, по Корнелю, важнее обретения конечной точки. Об этом говорит и его новая книга *Öppningar* (2014)¹⁰², которая посвящена бесконечным «входам», «отверстиям», «открытиям», то есть многочисленным философским, искусствоведческим, политическим путям приближения к главным идеям мироздания, связанным между собой «общими смыслами и контекстами»¹⁰³. В мире ничего не исчезает, утверждает Корнель в своих современных статьях, — всё хранится в «архивах памяти»¹⁰⁴, поэто-

¹⁰² Cornell P. *Öppningar*. Stockholm: Gidlunds förlag, 2014. 250 s.

¹⁰³ Рецензию на книгу см.: <http://www.plusbok.se/oepningar-peter-cornell-9789178448968>.

¹⁰⁴ Cornell P. *Människors villkor* // Expressen. 03-03-2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.expressen.se/kultur/manniskans-villkor/>.

му наше переживание истины — это обнаружение утраченных связей между разрозненными элементами, индивидуальное постижение взаимосвязи частного и общего в космической Вселенной, «приручить» которую пытались магнетизёры или «эксцентрические гении», такие как Н. Тесла¹⁰⁵.

Близкие Корнелю идеи звучат в другом современном шведском романе — «Ясновид» (ориг. *Den vidunderliga kärlekens historia*, 2002)¹⁰⁶ К. Ю. Вальгрена, о котором также можно сказать, что он близок к постмодернистским текстам по структуре, но имеет нравственный «центр» и потому тяготеет к классической традиции в шведской литературе. Его герой тоже связывает воедино свои визионерские открытия о людях, обществе и Боге.

В произведении Корнеля идея, которая выявляется в тексте, вступает в противоречие с постмодернистской формой. Поэтому саму форму нелинейного письма не стоит считать главным признаком постмодернизма, тем более что истоки её действительно можно найти ещё в литературе XIX века: помимо Гофмана, близок был к нелинейному письму Байрон в поэме «Лара», а вслед за ним Лермонтов в «Герое нашего времени». Близка к этому принципу французская литература, о которой постоянно пишет сам Корнель: романтик Шатобриан, постромантик Нерваль, символисты и постсимволисты, сюрреалисты XX века, Пруст и даже теоретики французского структурализма и постструктурализма Бютор, Деррида, Башляр, которые в деконструкциях языка невольно пытались восстановить его целостность.

В своих искусствоведческих работах П. Корнель тоже продолжает искать подходы к целостной картине мира. Он описывает связи между «видимым и невидимым»¹⁰⁷, надеясь заглянуть

¹⁰⁵ Cornell P. Onaturens system // Expressen. 02-10-2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.expressen.se/kultur/onaturens-system-1/>.

¹⁰⁶ Vallgren C.-Y. *Den vidunderliga kärlekens historia*. Stockholm : MånPocket, 2002. 341 s.

¹⁰⁷ Cornell P. Onaturens system // Expressen. 02-10-2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.expressen.se/kultur/onaturens-system-1/>.

в «боковые комнаты» внутри фантастической «Системы природы» К. Линнея¹⁰⁸, и по-прежнему задаётся вопросом, что является в наше смутное, «необарочное время» фоном, а что поистине подлинно?¹⁰⁹

«Французский код» очень многое определил в романе П. Корнеля в плане формы, его произведение остаётся редким примером использования в шведской литературе «нелинейного письма». Но в плане содержания Корнель вполне классичен. Определённое родство с его произведением можно обнаружить в лирической прозе П. У. Энkvиста, например в необарочных фрагментах «Книги о Бланш и Мари» (*Boken om Blanche och Marie*, 2004)¹¹⁰. Поскольку Энkvист, как и Корнель, большой почитатель французской литературы, структурные и смысловые вариации на сходные темы о нелинейности истории неудивительны.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Какими структурными признаками обладает «роман в сносках»?
2. Как можно определить понятия: «ризом», «симулякр», «палимпсест», «гипертекст», «нелинейное письмо»?
3. Какие примеры нелинейного письма можно привести из европейской, американской, латиноамериканской, японской и русской литератур?
4. Какова концепция Рая — смысла — центра — истины в романе П. Корнеля?
5. Какие признаки постмодернистского повествования можно выявить в произведении писателя и какие черты являются приметами классического шведского романа? В чём заключается противоречие?

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Cornell P. Meditativ mystik // Expressen. 24-09-2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.expressen.se/kultur/konst/meditativ-mystik/>.

¹¹⁰ Enkvist P. O. Boken om Blanche och Marie. Stockholm : Norstedt, 2004. 257 s.

ТВОРЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ

1. Создайте географическую карту с выделением на ней сакральных и мистических пространств, о которых упоминают русские и зарубежные писатели.
2. Опишите существующие версии символического значения Генисаретского озера и водоворота Мальстрём в литературе и кинематографе; предложите свою мистическую трактовку этих природных топосов.
3. Создайте гипертекстовую новеллу, которая содержала бы в себе отсылки к разным литературным направлениям и течениям.
4. Придумайте какой-либо образ и опишите его с помощью словесных и визуальных ассоциаций, не называя самого предмета описания. Создайте аналог комментария к некоему искомому «центру».
5. Предложите режиссёрский сценарий фильма по одному из известных вам «романов в сносках» или «нелинейных» произведений с разработкой принципов их кинематографического воплощения.

ОБ АВТОРАХ:

Минеева Инна Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета ПетрГУ. Область научных интересов сосредоточена на истории русской литературы XIX—XXI веков, истории литературы русского зарубежья (русско-шведские и русско-британские литературные взаимосвязи, современные транснациональные и транскультурные теории и практики, теории 'travelling theory' и 'cultural transfer'), текстологии литературы Новейшего времени, компаративистике, источниковедении, этнографии, культурной и исторической антропологии, современных теориях коммуникации, системах отечественного и зарубежного высшего образования.

Кобленкова Диана Викторовна — кандидат филологических наук, киновед, доцент кафедры зарубежной литературы ННГУ им. Н. И. Лобачевского и Российско-шведского центра РГГУ. Лауреат Премии Международной шведской организации SWEA — 2013, стипендиат Шведского института (Svenska Institutet, Stockholm) 2007—2014 гг.

Область научных интересов: зарубежная и русская литература XIX—XXI веков, шведская литература, кинематограф Скандинавских стран и Нидерландов, искусство Северной Европы, история и теория кино, теория литературы, поэтика художественной условности, французская культура XX века, компаративистика, творчество Э. А. По, Н. Гоголя, Вс. Гаршина.